

И. Т. Кокорев

Саввушка

Москва сороковых годов. *Очерки и повести о Москве XIX века*

М., "Московский рабочий", 1959

Подготовка текста, послесловие и примечания Б. В. Смиренского.

OCR Бычков М. Н.

I

Савва Саввич -- попросту Саввушка -- портной. Родился он господским человеком и до десяти лет бегал по деревне, упражняясь в разных невинных играх, свойственных его возрасту и сельской жизни. На этом году барин вздумал отправить в Москву партию дворовых ребятишек для научения их разным ремеслам, а кого именно какому -- это предоставлялось благоусмотрению управляющего, под чьим присмотром будущие ремесленники отправлялись в столицу. Неизвестно, по каким признакам решал управляющий назначение детей, которых привез в Москву, и почему Саввушка отдан был в портные. Вероятно, бойкие наклонности мальчика, проявление которых не раз чувствовали бока и зубы его сотоварищей, вероятно, они болеегодились бы на другом месте, но так велела судьба -- великое, хоть и не совсем толковое слово.

Итак, судьба определила Саввушку к Карлу Крестьянычу, немцу, обруселому настолько, что он даже справлялся с нашими "буками" и "покоем". У Карла Крестьяныча была большая артель -- человек сорок, все русские, кроме главного подмастерья, который был родом также из немцев и держал себя в горделивом отдалении от прочих работников. Хозяин сам никогда не брался за иголку, а только смотрел за порядком да ездил со счетами по заказчикам; подмастерье кроил, а в свободное время холил свои рыжие волосы да приволакивался за хорошенькой дочкой хозяина; работники, как следует, работали; одна половина учеников также отправляла швейную службу, а другая употреблялась для побегушек по делам всех, кто имел какое-нибудь значение в доме, начиная от полновластного хозяина до толстой кухарки. Саввушка поступил, разумеется, в последний разряд и скоро успел обратить на себя внимание всей артели. Живей его никто не смахает в лавочку, скорей никто не греет утюга, бойчей никто не заденет встречного мальчишку или разносчика с маком. Благодаря этим способностям мастера начали употреблять его для более важных поручений, например, тайком, на глазах хозяина, пронести в мастерскую косушку вина; продать на толкучем рынке сшитую из благоприобретенных остатков жилетку; поживиться у кухарки лишней ложкой масла, которое немецкая экономия не щедро выдавала на русскую кашу; Саввушка же нередко был выбираем для исполнения какой-нибудь потехи над рыжим подмастерьем, которого артель не слишком жаловала. И хотя за все подобные проделки юный шутикар часто подвергался исправительным наказаниям, то есть, как говорилось в артели, "хлебал березовую кашу" или "с кувырколетием, за волосное правление, кланялся качательному суду, поясной палате"; но зато много проказ и с рук ему сходило, и мастера горой стояли за ревностного исполнителя их приказаний.

Вообще таланты Саввушки были чрезвычайно разнообразны: в чехарду ли прыгать, в бабки ли играть, орла с решеткой кинуть, в три листика сразиться, задиралой стоять в "стене на стену", песню разухабистую спеть; везде являлся он первым, и звонкий голос его господствовал среди крикотни прочих мальчишек. Грамота ему не далась в деревне, в Москве и подавно; но еще не родился тот лавочник, которому бы он позволил себя обчестить или забожить лишнюю копейку; а какие диковинные вензеля разрисовывал он по заборам -- десять Шамполионов не разобрали бы их. "Одним лишь не взял парень, -- замечали иногда работники: -- ростом больно уж мал; зато мала птичка, да коготок остер!"

В самом деле, Саввушка походил на карлика и за восемь лет, пока продолжался курс учения, едва подрос на поларшина. В чем прошли эти восемь лет, -- видно из очерка первоначальной его деятельности; знания, приобретенные им, не уступали знаниям его сверстников, то есть иголка не вываливалась из рук, практическое же знакомство с жизнью произошло преимущественно в последний год, на выходе из ученья, когда Саввушка, запанибрата с работниками, под их руководством, стал посещать разные увеселительные заведения и принимать ревностное участие в магарычных попойках.

Наконец вышел Саввушка из ученья. В то время у многих мастеровых было еще в обычае оставаться выученику жить у своего учителя, чтобы заплатить за его хлеб-соль, и Саввушка остался у